

ВЛАДИМИР ПОПОВ

ПОСТКОРРУПЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Или почему в “Комиссии устройств воруют напрапалу”

Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые не рождены быть бесчестными.

Н. В. Гоголь. “Мёртвые души”.

... Если деньги – материнское молоко политики, то коррупция в России – повивальная бабка при родах олигархического капитализма в ельцинскую бесславную эпоху. Наши же либералы, чуждые Совестного суда (Н. В. Гоголь), нахваливают морок 90-х годов как звёздный час воссиявшей демократии, развеявший мглу “тоталитаризма”. А совсем недавно ельциноид из новорусской кинематографической тусовки отозвался о том крошечном десятилетии, как прикольном. На жаргоне этой инфантильной публики – восхитительном.

“Ордынец” на шее

Жнецы на поле коррупции не знают усталости. А если перечислить все “снопы”? По оценке Генпрокуратуры, они тянут на 250 миллиардов долларов чистого барыша в год. Такова, читатель, мегавеличина коррупционного побора. Его платят все и каждый. И нищий пенсионер у прилавка “Копейки”, и владельцы крупных бизнесов. И даже иностранцам, которых угораздило вложить капитал в России, нет потачки.

Вездесущая мзда – принудительный вид услуги, но спрос на неё всё равно бойкий на нашем “диком” рынке. Ведь такой пошиб сделки только прикidyвается рыночным. Поборы коррупции – прямое внеэкономическое изъятие. И неважно – из миллиардного бюджета компании или тощего кошелька деревенской Матрёны. Экономисты в один голос окрестили как разорительный для бизнеса почин налогового ведомства ввести дополнительный сбор в 1 процент с каждого платежа оборота рынка. Для сравнения, взятки, откаты и подношения – негласный всеобщий коррупционный налог, значительно накладней, чем даже 18% налога на многотрадальную добавленную стоимость (НДС). Совокупный мздоимец – первейший в стране выгодоприобретатель. Его беззатратный промысел куда выгодней, чем нефтяная скважина, винокурня или элитный бордель.

ПОПОВ Владимир Данилович – политолог и публицист, кандидат философских наук. Автор книг политических памфлетов “Последние из великороссов?.. Мысли о немьслимом”, “Углеводородный Третий Рим”, “Ставрогиньы закрывают Америку?”, “Косово поле великороссов”.

И откуда взялся по нашу душу этот морок? Мы как бы провалились в бездну времён: так в годину татарского ига русские князья собирали дань со смердов и платили ясак Орде. Наш коррупционер – и есть воскресший “ордынец”, но не басурманин, а из своих. И ему, хозяйственному счёту чуждому, нипочём – долго ли ещё выдюжит хозяйство страны тягло в четверть триллиона долларов. Если бы у нас и в самом деле действовала норма прибыли, как в настоящей, без дураков, рыночной экономике, “ордынцев” давно бы скинули. Слишком крут, непомерен и вопиющ был бы гнёт такого “ясака”.

Это всё равно что с голого стащить рубаху. На Западе 5–10 процентов чистого барыша после уплаты налогов – вполне обычный и взвешенный предпринимательский профит. А при нашем несусветном рынке владыкой всему не закон стоимости, а дикий произвол сборщиков поголовной мзды.

Задумайтесь, почему ещё российская экономика – райские кущи для коррупции? Да всё потому, что более двух третей дохода страны – рента. Здесь и таится “кощеева игла” коррупции. В здоровой, некоррупцированной экономике рентные доходы (нефтедоллары) накапливают для модернизации и роста благосостояния. Как в тех же Норвегии и Эмиратах. А у нас рента стала поживой для целого сонма корпораций алчных временщиков. Для живого тела страны нефтегосударство – петростейт по-новорусски – всё равно что павлика. Это растение без корней и зелёных листьев высасывает из лугового клевера все живые соки. Омертвляющая хищная павлика словно была посеяна по всему телу экономики ещё в девяностые годы, а скорбную жатву пожинаем до сих пор.

Медный таз цирюльника

Быть может, перед крупной частной собственностью коррупция смиренна? Ведь наши “либералы” при каждом удобном случае любят заводить волюнку об “эффективности” и “прозрачности” управления миллиардными активами в олигархических корпорациях, где менеджмент якобы поставлен по стандартам и этике ведения бизнеса на благословенном Западе. Дескать, если в госкорпорациях балансы, затраты и прибыли – в потёмках, настоящая малина для коррупционных сделок, то в приказчиках у воротил частного российского капитала – не забалуешь! Да, свежо предание... Мой многолетний опыт работы топ-менеджером в банках и крупной российской частной компании даёт мне право утверждать, что внутрикорпоративная коррупция – та постыдная “семейная тайна”, о которой знают все, но мирятся и помалкивают. Эта коррупция неподсудна, потому что выносить сор из избы не заведено. Чтобы не пострадал имидж компании, не оказались “засвечены” некоторые щекотливые стороны бизнеса. А компроматы друг на дружку “бенефициары” держат впрок в сейфах. Откаты, манипуляции с кредитами, ценами, дисконтами и прочими приёмами лихоимства и вывода активов – всего не счесть. Как занятие философствовал шукшинский персонаж из пройдошистых советских торгашей в комедии “А поутру они проснулись”, мол, десять процентов от оборота заведомо закладываются, чуть ли не свыше, как поощрение для “энергичных людей”.

Что в лоб, что по лбу: чиновник-коррупционер обогащается на сдаче интересов казны и государства, а продажный менеджер частной корпорации подворовывает у владельцев и акционеров. Да он зачастую и сам акционер! И вся эта мистерия издоимства и откровенного воровства творится в едином коррупционном пространстве.

Коррупция, подобно протоплазме, перетекает из госсектора в частный и обратно. И, как закономерный итог, вся система экономики и социальных отношений подчинена единому “коду”. И повелось это с самого того, когда во младенчестве новорусская крупная частная собственность крещена была в коррупционной купели. Доходная собственность в нашешком бесподобном укладе, Гуляй-поле татей и выжиг, воспринимается не как законное, по купчей, достояние, а добыча, на которую всегда много охотников. Тотальность и круговорот коррупции обусловлены тем, что в России нет в подлинности ни частной, ни государственной собственности. А потому и выходит, что существующий государственный строй эфемерный, угарный, временный...

Верно, у нас, “как у людей”, завелись теперь рыночные атрибуты: фондовая биржа, Москва-Сити... Газпром, ЛУКОЙл и проч. входят в первую сот-

ню мировых корпораций. Даже в спальных районах Москвы открылись офисы известных западных банков. Акции крупных российских компаний котируются на Лондонской бирже. Но сказать, что это и есть тот самый вождельный, в антисоветском раже и ослеплении умов августа 91-го года, капитализм — всё равно что уподобиться пламенному безумцу Дон-Кихоту, сгоряча принявшему медный таз цирюльника за чудесный шлем рыцаря.

Кошельки худеют, “ясак” лютует

Здоровая экономика в любой стране зиждется на трёх китах: труд, сбережения, инновации. А наше нефтегазовое Эльдorado держится на шатком подножье бочки — барреля. Шальные же нефтедолларовые доходы разбирают олигархи и “ордынцы”. И казна себя тоже не забывает, повышая вывозные пошлины на углеводороды. Но в той же мере, зеркально, взлетают негласные ставки коррупционного налога. В лукавом либеральном экспертном сообществе лицемерное его прозвище — статусная рента. А попросту — наличная десятина. Прошу не путать с библейской!

Когда нефтяные котировки упали кратно, акционеры преуспевающих нефтяных компаний пожаловались федеральным властям на “убытки”. И тотчас получили из казны миллиарды долларов субсидий. У них с “ордынцами” что-то вроде “чёрной кассы” взаимопомощи.

Едва цена барреля обрушилась, тотчас упали прибыли, зарплаты, губернские бюджеты, но коррупция и не подумала сбавлять величину “ясака”. Эта эмпирическая оценка “тренда” лютости коррупции, но уже подоспело и подтверждение из свежих данных мониторинга департамента экономической безопасности МВД России. За минувший год после начала глубокого спада экономики, падения душевых доходов большинства занятых втрое возросли ставки поборов низовой коррупции, самой вездесущей и неотступной. А средняя арифметическая взятка подскочила до 27 тысяч рублей!

Судя по всему, речь о “тарифах” коррупционного оборота в мегаполисах, а в бедном нашем Пошехонье у взяточничества “жемчуг” помельче... Но равно удар по семейным бюджетам безжалостный. Более трети участвовавших в социологических опросах сознались, что в минувшем году им доводилось давать “на лапу”. А сколь многие невольные взяткодатели слукавили и умолчали?

На фоне падающего ВВП, оскудения нефтегазовых рент, доходов и урезания всех бюджетов, казалось бы, коррупция должна умерить свои аппетиты, но рынок ей, барыне-государыне, не указ. Декларативный закон политэкономии социализма об опережающем росте потребностей в сопоставлении с ростом национального дохода, наш совокупный мздоимец будто наизнанку вывернул, приспособив для своей корысти, но уже при капитализме.

“Боливар не выдержит двоих”

Бедный Маркс: деньги—товар—деньги! В “ордынской” политэкономии всё намного затейливей. Нефть—рента—таможенная пошлина—“ясак”—товар заморский...

В сладком полоне сырьевой парадигмы мы и проспали все годы сырьевого бума. Будто какая-то неведомая сила всё глубже загоняла экономику в губительную колею. И едва накатил “нечаянно” давно предсказанный мировой кризис, она и увязла в ней по самую ступицу. Запоздалые угрызения власти имущих, что зря, дескать, упустили золотой шанс диверсификации экономики... К кому обращены эти упреки Кремля? Если начистоту, то как раз к коррупционному сообществу. Этому давно обособившемуся от всех нас своекорыстному, заедающему будущее страны укладу. Ведь всякий раз круговая порука коррупции стеной вставала против даже робкого отхода от кормящей её рентной сырьевой экономики. И даже теперь, когда кризис взял производителей за горло, ни на шаг не отступит от взимания круговой “дани”. Как быть-то властям предержавшим? Под тяготами обрушения экономики, нарастающих финансовых неурядиц в высоких сферах, похоже, созревает гжучее, как злая крапива, убеждение, что, пожалуй, “Боливар не выдержит двоих”. А потому власть вроде бы решила гласно и открыто выставить свою тягостную приживалку — коррупцию на позор, подвергнуть её каре закона. И громко-гласно объявила об этом на всю страну.

И вдруг, нечаянно, для многих словно сдвинулись пласты времён и столетий: да это же незабвенный наш Николай Васильевич Гоголь, узнаваемая сцена из “Мёртвых душ”! Представительное антикоррупционное государственное совещание в палатах Кремля точь-в-точь напомнило картинку из второго тома поэмы. “Генерал-губернатор по случаю отъезда в Петербург желал видеть всех чиновников до единого”. Князь, исполненный решимости, произнёс гневную речь, острый смысл и запал которой как бы предвосхитил тон выступления российского президента на Госсовете: “Гибнет наша земля не от нашествия двадцати иноземных языков, а от нас самих; что уже мимо законного управленья образовалось другое правленьё, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено и цены даже приведены во всеобщую известность”. И никакой, дескать, правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла до той поры... Да, истинно так, пока всяк из нас, грешных, наказывал генерал-губернатор, не пробудит в себе нравственные силы “восстать против неправды”.

Несколькими строками ниже черновая рукопись второго тома на полуслове, к сожалению, обрывается. И нам, потомкам, лишь остаётся своим умом догадываться о недосказанной гражданской проповеди Гоголя. Один из великих её смыслов, очевидно, в том, что язву мздоимства не одолеть одним только простым “лишением зачинщиков чинов и имущества, а прочих – отрешением от мест”. Это и мы теперь понимаем, но где набраться нашему павшему духом обществу мужества, благодати нравственного преображения, которым, убеждён был Гоголь, лишь одним по силам восторжествовать над злом неправды!

... В Охотном, на Житной и Лубянке антикоррупционная кампания, кажется, набирает обороты. Пока, правда, за вычетом сторчаков, под раздачу попала только мелкая сошка. Общественное мнение настроено выжидательно и недоверчиво. Дело и того хуже: каждый второй из любезных наших сограждан, по опросам социологов, смотрит на коррупцию более чем снисходительно. Уже приладились, родимые! Коррупция успела-таки морально надломить общество.

Европейцы не в пример нас щепетильней и строптивей. В Италии, например, в начале 80-х годов антикоррупционная операция “Чистые руки” всколыхнула все слои населения. И создался единый гражданский фронт против высокопоставленных коррупционеров во власти, якшавшихся с мафией. А ведь гнёт коррупции в сегодняшней России такой, что рядовому обитателю Апеннин и в дурном сне не привидится. Почему же наш обыватель – главный персонаж, по уверению либералов, не существующего в природе российского гражданского общества, не изволит выйти на манифестацию, а хитровато поглядывает на происходящее с дачной завалинки? Загадка этой изумительной безучастности восходит, на мой взгляд, к архетипической повадливости долготерпивых “пошехонцев”: “Вот выйдет из каланчи городничий штабс-капитан Мазилко и начнёт законы разьяснять... Часы проходили за часами, а пошехонцы все стояли, ждали...”

“Восхищение начальством”

Из опыта цивилизации следует, что если попытаться создать общество, между членами которого не будет твёрдого согласия о разнице между добром и злом, то дело это пропащее. Такое общество непременно распадётся. Потому что “душа” общества не материальна, она держится на незримых и хрупких скрепах общих для большинства убеждений и ценностей. “Отец социологии” Питирим Сорокин: “Любая новая система, если только она способна к выживанию, непременно должна превратиться в устойчивую и кристаллизирующуюся”. У нас же вся социокультурная система общества находится в состоянии дряхлеющей анархии. И она совершенно чужеродна великорусской традиции – и мирской, и религиозной. Патриарх Всея Руси Кирилл страстно предостерегает власть имущих против так называемой “толерантности”, а наверху бесовского поприща евангельских заповедей в прорежимных масс-медиа. Сановники же исправно ходят ко всеобщей, отбивают поклоны, выказывая свою набожность, но глухи к слову пастыря. И будто не слышат грозный гул набатного колокола, взывающего к совести.

“Каждый день существования любого строя представляет собой непрерывный плебисцит членов общества, и то, что он существует, означает молчаливое да” (Ренан). Эта беспощадная, задевающая за живое мысль схватывает самую суть, почему поладили живущая в своё удовольствие олигархия и наш покладливый электорат, который довольствуется крохами от нефтедолларового пиришества верхов.

Потому и всё “славное” путинское десятилетие власть не знала. Ренан прав: негласный плебисцит о доверии власти творится непрерывно на наших глазах. Пусть “рейтинги” и привирают, но сознаемся, что несломленных и не польстившихся на подачки “путиномики” — меньшинство. А тут, не было печали, нечаянно ударил по лбам толоконным экономический кризис. И что — прояснилось в головах? Кроме разрозненных отчаянных попыток перекрытия толпой федеральных трасс — “отдайте, ироды, долги по зарплате...” — никакого, как на грех, всеобщего, солидарного протеста общества.

Казалось бы, кумовству олигархической Лисицы и обворованного Журавля тут и крышка, но... словно в насмешку только что молчком справили двадцатилетие перестроечной антисоветской бузы — стачки шахтёров в Кузбассе. С неё-то все тогда и началось! Это штрейкбрехерство “рабочей гвардии” на выворот ещё долго нам будет аукаться. Вон англо-индийский магнат Лакшми Миттал самовластно закрывает шахты в Кузбассе. И что-то не слышать про всеобщую шахтёрскую стачку... А во Франции, Италии, Греции 100-тысячные демонстрации! Там люди труда не дают спуска работодателям и правительствам. У нас же гражданские чувства проявляют себя, если верить телеящику, всё больше в виде непостижимого “восхищения начальством” (Щедрин).

Скажите, несправедливы мои сарказмы о соглашательстве низов с властью, которая в годину экономического бедствия в открытую встала на сторону крупной буржуазии? И расточает достояние нации — золотовалютные резервы на покрытие убытков, которые причинил всем этим абрамовичам крах фондового рынка. Именно наше, сограждане, соглашательство благословляет власть предержавшую на безответственную, коррупционную по сути модель антикризисного поведения.

“Коррупция — это и есть прогресс!”

“Коррупция — это и есть прогресс!” — нахально заявлял во всеуслышание персонаж итальянской киносатиры семидесятых годов. Не так эпатажно, но в том же крамольном духе некогда вступился за институциональную роль “барашка в бумажке” Гавриил Попов. В бытность, когда бесподобно верховодил в Моссовете. Оставим за скобками бесстыдство поползновений “властителя дум” 80-х годов “растабуировать”, узаконить взяточничество. За хлёсткой полемической выходкой профессора экономики проглядывал прозрачный намёк, что ни калёным железом, ни подношениями отступного от казны, хотя бы в виде прибавки к жалованью, новорусскую коррупцию никак не одолеть. И эта искуссительная пораженческая идея глубоко засела в умы “новых русских”.

В профессорском лжеумудрствовании угадывался не вывих либерального дискурса, а корыстный интерес. Чей? И гадать нечего: народившихся корруппированных элит. Вспомним: зелёные банкноты в тогдашней реформаторской горячке завозили в Белокаменную самолётами из-за океана. И бойко разносили по кабинетам ельцинских выкормышей — кейсами. Но кроме аппетита к “зелени” с годами у второй волны “реформаторов” прорезались и “принципы”. Вот вслушайтесь: в сарказме классика русской словесности не угадывается ли “задушевное” экономического либерализма на новорусский лад: “Одни говорили, что надо элеваторы строить; другие: “Устроим элеваторы — пойдёт воровство”. Другие говорили: “Транзит закрыть надо”; другие: “Закроем транзит — пойдёт воровство”. К слову сказать, выходило так, что ни придумай — везде окажется одно воровство”. Эта притча из “Мелочей жизни” Щедрина — строка в строку с незабвенными откровениями Германа Грефа, непоколебимого поборника “дерегулирования” всего и вся в экономике. В бытность свою идеологом либеральных реформ министр дал зарок извести под корень госсобственность. На любой трезвый возглас со стороны, даже из аппаратных недр Краснопресненской, о необходимости государственных инвестиций в разваливающиеся несырьевые отрасли, Греф давал отповедь: “Пойдёт воровство”.

Из того, что, по бедноте смыслов, можно назвать мировоззрением этого государственного мужа, и впрямь следовало, что коррупция – метафизическое, а не социальное явление. Государственная же собственность и казённые инвестиции есть неперемнная первопричина воровства и растрат. Зато частная собственность, заполученная за бесценки и воровски, – благословение небес и гарантия “эффективности”. Под последним излюбленным словечком наших либералов подразумеваются барыши новых владельцев.

Герман Оскарович до того уж пылко и складно излагал экономические “законы” местной, замоскворецкой в Александер-хаусе выделки, что сумел обратить в свою веру даже президента В. В. Путина. Страсть не оставить ни полушки активов в госсобственности воспылала в компании Чубайсов и Грефов, ясное дело, из склонности к высоким эмпириям, а не из суетного желания порадеть выгоде частных приобретателей, что роились неподалёку... Теперь на наших глазах российская экономика в свободном падении. Но ни отставок, ни угрызений и даже простой неловкости члены правительства не выказали. Будто “реформаторам” невдомёк, что вся их идеология “дерегулирования” плачевно оскандалилась.

Никуда не уйти и от саднящей мысли, что остаётся незыблемой совершенно невозможная ни при какой власти кадровая политика корпорации питерских столоначальников. Главным основанием и поводом большинства назначений и стремительных карьер является землячество (отечество нам Питерский юрфак) или совместная служба в советских силовых структурах. Хотя даже символическая причастность этих персонажей к корпорации прежней Лубянки – стражей и ревнителей государственности и великодержавия, как жизнь показала, – сплошное недоразумение. Такой кадровый отбор начисто сметает требования компетентности, порядочности, да попросту здравой меры даже в кумовстве.

Неслыханный во всей отечественной истории и прискорбный казус, когда легкомысленное замещение высоких должностей ведёт не только к обмельчанию власти, а коррумпирует сам принцип построения государственной машины. Это прямая дорожка пустить её вразнос. Не приведи Бог, если так и обернётся. Знаменитый закон Паркинсона, по которому каждый чиновник, взбираясь вверх по служебной лестнице, стремится достичь предела личной некомпетентности, – начисто превзойдён. Вот вам ещё один, увы, дерзновенный “улёт” российской коррупции, господа хорошие!

“Коррупция в защиту демократии”

Легко проскальзывать между Сциллой и Харибдой – горными высотами демократии и низинами коррупции – наши либералы давно наловчились. У них и отговорка наготове: почему, дескать, в Норвегии не заведено поголовно давать и брать взятки? Да потому, господа, что капитализму там не без году неделя от роду. Всякая муть и накипь первоначального накопления за минувшие столетия уже отстоялись. Да ещё якобы протестантская этика отвращает от искушений Маммоны. А у нас в России, бурей и натиском, капитализм заново воцарился. Коррупция, уж не обессудьте, завелась не просто “в нагрузку” к демократическим завоеваниям, но такова “диалектика” свободы.

Псалмопения на эту скользкую тему не перестают доноситься из московского офиса фонда Карнеги. Так и сяк выгораживает пожившихся на “самой крупной краже собственности в истории” и бывший корреспондент “Вашингтон пост” в Москве Дэвид Хоффман. В апологетическом толстенном опусе “Олигархи” очень затейливо, срываясь местами на эпический слог, толкует он талмудическую премудрость соотношения произвольной коррупции и высоких идеалов младореформаторов. Сам-то Хоффман ловко умывает руки, но сочувственно цитирует истца, весьма сведущего политолога Константина Кагаловского. Этот стряпчий по совместительству, по его собственному же признанию, пособлял Ходорковскому повернуть дельце на знаменитом залоговом аукционе по ЮКОСу. Но другое его признание ценнее! “Чубайс, – с почтением засвидетельствовал он Хоффману, – может заслуженно считаться создателем системы “коррупция в защиту демократии”. Апофеозом социального изобретения вожака либералов явилась кампания, по сговору “семибанкирщины”, переизбрания Б. Ельцина в 1996 году. Причастные к этой политической афере теперь, по прошествии лет, горделиво зардевшись, сознались

Хоффману, что дельце-то они провернули на “чёрные деньги”, выуженные из госказны. Немалая их часть ещё и прилипла к рукам ельцинских спасителей. Дэвид Хоффман, из песни слова не выкинешь, эти свидетельства и признания занёс на скрижали. А “коррупция в защиту демократии”, поручился Кагаловский историографу из “Вашингтон пост”, в годы после переизбрания Ельцина стала неотъемлемой нормой жизни общества.

Новой команде “питерских” в Кремле с руки ли было покушаться на заведённый порядок? Замолишь грехи предшественников, упразднить наглуго чубайсовскую “норму”? Начать с чистого листа значило бы отречься от главного наследия чумных девяностых – олигархического капитализма. Путин сметливо и решил не поворачивать оглобли, а попросту “упорядочить” и подрумянить этого уродца. Привести, стало быть, к “одному знаменателю яичницу, которую наделал его предшественник”. А ещё новой России светило вхождение в калашный ряд цивилизованных стран. Слыхали? Вот потому-то коррупция и до сих пор сидит по правую руку от власти. И никакими показательными анафемами нельзя сменить “матрицу”, саму душу власти. Законники – подьячие режима и “медведи” в Охотном просто вышивают бисером по тексту закона против мздоимства, мнительно остерегаясь перегнуть палку. “Итоги приватизации отмене не подлежат”. Не запомняли? Даже возражения прокурорских против “сглаживания” ответственности за коррупцию благополучно замотали.

Весь морок и отчаянье закоренелой, никому не подвластной системы мздоимства в исполненных горечи и негодования словах Николая Гоголя: “Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые не рождены быть бесчестными”.

Чичикова наметанный глаз

“... В комиссии устроений воруют напропалую”, – тотчас решил Чичиков, у которого глаз был ох как наметан. Гоголевский герой повстречался по делам своих “негоций” с неким полковником Кошкарёвым. “Разговор с ним тот же червонец”. Отставной полковник для образцового порядка в своём имении завёл Главную счётную экспедицию да разные комиссии и комитеты наподобие губернских присутственных мест. Среди таковых значилась и комиссия устроений, чтобы предохранить всякие кражи, и всякая вещь была бы на месте. Чичикову человек из означенной комиссии устроений проговорился: “У нас тут заведено, что все водят за нос барина. Он думает, что всё как следует, а ведь это название только одно”.

Правда, по ходу разговора выяснилось, что хозяина имения осчастливила мысль завести ещё одну комиссию, которая будет называться комиссия наблюдения за комиссией построения. “Так что уже тогда никто не осмелится украсть”. Тщета затейливых кошкарёвских комиссий живо напомнила мне недавние перипетии прохождения в Думе президентского законопроекта об антикоррупционной экспертизе всех новых законов. “Медведи”, как называется, прищурились и давай вымарывать. Даже поползновению Генпрокуратуры придать заключениям антикоррупционных экспертиз жёсткую, обязывающую силу не побоялись дать окорот.

Пространные выдержки из “Мёртвых душ” привожу намеренно. Гоголевские аллегории вполне делают излишним рутинное повторение доводов, почему широкая антикоррупционная кампания, затеянная Кремлём, едва ли срзлит стоглавую гидру мздоимства. Уже по одному тому, как своевольно, молчком, правящее большинство Думы выхолостило присланный из Кремля первоначальный текст антикоррупционного акта, можно догадаться, кто на самом деле водит рукой “слуг народа”. И чего это “медведи” кинулись наперебой скрипеть перьями? Обычно ведь и до грамматической правки законопроектов руки у них не доходят. Как плетью обуха не перешибёшь, так и “лобби” коррупции не прогнать из всех ветвей и закоулков власти. Что ж, поглядим, разворот кампании выкажет: вершки или корешки повального мздоимства срежет наострёрный меч правосудия.

Оффшорные убежища коррупционных состояний высшего чиновничества на этот раз действительно будут засвечены? Обнародованные же, для почина, сведения о доходах чиновников, замещающих “хлебные” должности, являют собой “волнительный” образчик редкого в наши-то добычливые времена бесребреничества...

Бэринг и Лосский свидетельствуют...

“...Сила – есть накопление добродетели, слабость – накопление пороков”. Так судил об истоках и оплотах великодержавия публицист начала прошлого века Михаил Меньшиков. Он отнюдь не принадлежал к благостным моралистам. Напротив, был убеждён, что судьбы наций решаются “железом и кровью”. Меньшиков негодовал против казнокрадства и мздоимства при царском дворе и в кругу дельцов, наживавшихся на военных поставках. Зло и позор мздоимства подтачивали авторитет монархии и силы нации. Сто лет спустя мы оказались ввергнуты в ту же опасную коллизию: коррупция превратилась в неотвратимую угрозу безопасности государства. Нелегальная частная распродажа за мзду недругам России секретных военных технологий, горячо обеляемая “правозащитниками”, – одна из меток развившихся в обществе моральной порчи и гражданского каинства. Они и есть почва, на которой пышно расцвела коррупция.

“Человек улицы” давно на всё уж махнул рукой. С присущим обывательскому умишку злопамятством он легко принимает на веру, что повальная коррупция самых что ни на есть “верхов” зародилась ещё при социализме, во времена пресловутого брежневского застоя. И негоже, мол, господа, всех собак вешать на новичка – олигархический капитализм, который тоже, чего греха таить, не ангел. Разноцинцу-ельциноиду мнится глубоко личное отмщение за несправедливые роскошества партноменклатуры. Ему, бедняге, и невдомёк, что тип мегакоррупции, который воцарился сегодня, воистину грабительский, несравненный и грандиозный. Сравнил кукушку с ястребом! Взятка за пазухой советского аппаратчика, даже из верхов номенклатуры, не выходила за мелочные пределы обычного оборота товаров и услуг. Да и золото, и “камушки”, которыми потрясал воображение “образованцев” горбачёвский Савонарола – следователь Гдлян, вовсе не являлись капиталом, который пускают в оборот. Да попросту потому, что институт частной собственности отсутствовал.

Взятка при советском строе была чем круче, тем, скажу, трагикомичней. Чем больше оказывалось нажито мздоимцем мёртвого сокровища, тем пуще ему свет был не мил и отчаяннее страх перед карой закона. А новорусский способ присвоения национального богатства самовластной корпорацией чиновничества, “касты управляющих” по Бакунину, куда веселей, но воистину погибельный для страны. Это когда государством, его плотью, духом и честью торгуют “на вынос”.

Несопоставимость “номенклатурной” и олигархической коррупции выдают и сами масштабы, так сказать, капитализация мздоимства как промысла. Взять для сравнения прогремевшее на всю страну, потрясшее верхи Лубянки и Старой площади “дело Елисейского магазина”. Ныне, смешно сказать, оно не наделало бы переполоху и в уездной округе Урюпинска. Да на подворье одного только Черкизовского рынка, промелькнуло в выпусках новостей, оперативники арестовали контрафактного и контрабандного товара на 2 млрд долларов!

Другой увещательный “философический” толк о коррупции: на Руси испокон веку мздоимство процветало. “...Страна, где формы администрации произвольны, ненадёжны и мешкотны; где все формы деловой жизни громоздки и обременены канцелярской волокитой, где взятка – необходимый приём в деловой и административной жизни... Чиновники ленивы, подкупны и некомпетентны”. Не правда ли, прямо-таки сегодняшняя сочная картинка с натуры? А ведь это относящееся ещё к позапрошлому веку свидетельство иностранца – М. Бэринга в его книге “Главные истоки России”. Такой он узнал страну, где “ничто не столь абсурдно, что не может случиться”.

Меткие замечания Бэринга об узнаваемых неприглядных нравах и поведенческих российских чиновничества, вездесущности взятки со времён царя Гороха невольно наводят на мысль об архаизации, откате вспять по цивилизационной лестнице всего нашего теперешнего тягостного и неподвижного, как в старой Московии, уклада жизни. А если и дальше сверяться по родословной российского лихоимства и продажности, то примечательно и спорное, на мой взгляд, свидетельство Николая Лосского из сочинения “Характер русского народа”: “Что касается взяточничества, оно было в значительной степени искоренено в России в последние десятилетия перед большевистской революци-

ей. Живя в Западной Европе и Америке, мы наблюдаем гораздо более распространённое взяточничество, чем было в России”.

Римейк “Б. Н. Е. снимает шельму-завмага”

Нашим западникам, которые с коррупцией водят хороводы, прицепившись к затасканному карамзинскому “Воруют...”, взвешенные свидетельства Лосского, конечно, досадны. Не совсем в строку с ходячим мнением о российском служивом сословии и высшей бюрократии столиц и другое свидетельство Лосского – белого эмигранта: “В некоторых министерствах она (бюрократия) стояла на очень высоком уровне. Например, в Министерстве финансов со времён Витте. Да и везде было немало чиновников, любящих Россию и служащих ей не за страх, а за совесть”.

У Лосского не было умысла приукрашивать выродившийся царский режим, моральные и интеллектуальные достоинства его знати и сановников. Скорее, напротив... Да, что было, то было: перед крахом Февраля коррупция, продажность поразили петербургский высший свет, компрадорскую крупную буржуазию, чиновничью иерархию романовской монархии – снизу доверху. Но согласимся и с тем, что в этом обречённом на гибель общественном строе коррупция, как тля, не пожрала всё и вся... У Толстого ротмистру Вронскому его однокашник карьерный генерал Серпуховский в разговоре один на один откровенно высказал: “В России всё идёт к чертям!”, и грех, друг Алёша, отдаваться страстям и отдохновениям частной жизни в стороне от противоборства с теми, от кого исходит угроза престолу и Отечеству. И поручкой-де личностей их с Вронским круга, столбовых дворян, то обстоятельство, что “нас нельзя купить”. И впрямь, в правящем сословии романовской империи поганое правило “рука руку моет” не было всеобщим. Нравственное меньшинство сановников и служивых всё-таки противодействовало тем, кто позже, на закате монархического дела “расторговывал” империю или скрытно потворствовал коррупции. Но у нас-то, в Эрэфии, ни вронских, ни серпуховских нету и в помине!

В протоколах Следственной комиссии Временного правительства, допрашивавшей бывших премьер-министров, сановников и тёмных дельцов, есть веские доказательства, что в “высших сферах” даже при всеобщем моральном упадке мздоимство и “гешефты” не подмяли всё и вся. Встречный отпор из стана государственников, верных долгу и порядочности, тоже не был робок... Ведь нелепо и представить себе Петра Аркадьевича Столыпина в обличье мздоимца! “Петя Два Процента?..” Увольте! И не пытайтесь примазаться к столыпинской ветви государственности, господа либералы, “книжники и фарисеи”, и те, у кого ваш брат на посылках – “денежные мешки”. Последним нынче не по себе, им зябко не от студёных ветров Истории, а от сквозняков из оффшоров, где благословенная тайна банковских вкладов того и гляди сдуется...

Нет, Луки-утешители, язва теперешней коррупции не чета и не наследница никакой иной, прежней. Новорусская коррупция не какая-то наследственная “карма”. Она проросла из ущербного и навязанного силком, негодяйской пальбой из танков по парламенту, мнимолиберального экономического уклада – алчного, выморочного и гулящего.

Нелегко решиться на это суждение, но лучше досказать до полной ясности авторскую социологическую гипотезу. Тот тип коррупции, что возрос на почве государственной катастрофы 1991–1993 годов и “сладкого прозябания”, оборвавшегося в августе 2008 года, представляет собой отдельный, отрицательный цивилизационный феномен. И дело не в чудовищном размахе, прожорливости и безнаказанности такой коррупции. Новизна и пагуба её в том, что она стала осью всей экономики и политики, имущественных, иерархических, деловых и даже повседневных межличностных отношений в обществе. Внеэкономический способ присвоения национального дохода и распределения рент – уже вполне завершённый уклад, который вытеснил весь свод отношений, присущих гражданскому обществу, основанных на праве, как закон писаном, и морали Христовых заповедей.

Закон и коррупция как лёд и пламень. В “нормальных” буржуазных обществах ни одна из этих непримиримых сил никогда не одерживает верх окончательно. Поэтому возможны приливы и отливы коррупции, но незыблема скри-

жаль кодекса Наполеона. И всё, что на нём зиждется в гражданском обороте. В путинской же России достигнуто сокрушительное «снятие противоречия» между государственными институтами и коррупцией. Президентская власть после смены караула в Кремле заполучила завершённый коррупционный порядок и не знает, с какой стороны к нему подступиться. Она вроде выступила в поход против «ордынца», но у неё нет союзников. Крупнейшие российские монополии, 100 олигархических семей, чиновная корпорация находятся по ту, теневую сторону.

Кто на чьей стороне, прозрачно показала «благополучная» развязка коллизии с окончательной редакцией Закона о торговле, который продержали под сукном в думских кабинетах не один год. Был замах хоть на этом, самом горячем для российских домохозяйств стыке интересов с крупным капиталом у магазинного прилавка, где выложены товары и ценники, потеснить, хотя бы ополовинить нещадный коррупционный побор, которым обложили оптовый и розничный оборот. Судили-рядили на Краснопресненской, «экспромтом» показали по ТВ картинку – римейк с участием премьера правительства – «Борис Николаевич Ельцин в 1992 году снимает завмага». В острастку всем прочим за то, что шельма дерёт втридорога «рыночную» цену за колбасу. А под венец PR-представления, под покровом бюрократической ночи, когда выправили «компромиссную» редакцию закона о торговле, викторию всё равно праздновали лоббисты корпоративных торговых сетей, а не производители продовольствия. Коррупционная «наценка» на хлеб и молоко на пути товара из нищей деревни в городские супермаркеты осталась, считай, как была.

“Страна, управляемая случаем”

У Джона Стейнбека – «земля дрожит»... Общество, бизнес, рядовые граждане, казалось бы, ожесточились и просто жаждут изгнать «ордынца». Примерно покарать продажность и вымогательство чиновничьей рати. Последняя воспринимается уже не как сословие, а едва ли не господствующий класс. Эта мелкобуржуазная узурпация изуродовала, исказила социальную ткань общества и возвысилась над ним, воспользовавшись злосчастной игрой случая Истории, когда советский строй пал в одночасье и иерархия власти рассыпалась. К слову, у Бэринга так и сказано о России: «Страна, управляемая случаем».

И всё-таки не нужно обольщаться, общее настроение в обществе, подтверждённое опросами социологов, – чувство тщеты и дежавю. Существуют и веские институциональные причины, почему коррупция как явление, а не отдельные растяпы с мечеными купюрами, застигнутые оперативниками с личным, при теперешнем порядке вещей неуязвима. Коррупция вознеслась до статуса единственной реальной власти, регулятора имущественных отношений, промышленяющей дележом рент и привилегий. В настоящей рыночной экономике такой наглости узурпация невозможна. Там правят законы, парламенты, сменные правительства... А за кулисами, спору нет, крупные транснациональные компании, финансовые воротилы Сити и Уолл-стрит, лоббистские группы, профсоюзы обладают сильнейшими рычагами давления на власть. И все они не без греха. Но такая самодовлеющая коррупция, как в «либеральной» России, пожалуй, Западу и неведома. В какой-нибудь Нигерии схожая коррупционная модель распределения национального дохода процветает в ещё более экзотическом, трайбалистском обличье. Но мы-то, великороссы, родом не из племенной Африки!

“Репутационный ущерб” – экая гордыня! Современный наш городничий, и это в порядке вещей, даже находясь под уголовным расследованием за лихоимство, подпиткой о невезде, и не помышляет слагать с себя полномочия. И ещё норовит поспеть “отписать” ближнему кругу казённые подряды. И вовсе никто не считает его нерукопожатным в кругу других городничих, открыто сочувствующих “пострадавшему”, конечно же, из-за “политической” интриги тех, кто зарится на его “кормление”.

Гоголевский архетип Городничего воскрес! Писатель обличал окаянную тиранию взяточничества сверху вниз “по инстанции”. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” подмечал, что неправедный образ жизни сделало повинностью в кругу чиновной братии. Жить на “барскую ногу” на жалованье не очень-то разбежишься: “И тогда муж иной жены уже схватил взятку со своего

же брата чиновника (положим, этот чиновник был богат; но чтобы доставить взятку, он должен был насыть на менее богатого, а тот, со своей стороны, насел на какого-нибудь заседателя или станového пристава, а становой пристав уже невольно был принужден грабить нищих и неимущих)...” Ровно так — с нищих и неимущих, по стародавнему, и заведено у нас драть поборы на нижних этажах “вертикали власти”.

Неспроста никто из власть имущих, спикеров партий и экспертной obsługi ничего вразумительного до сих пор не измыслил, какой системой мер или чудодействием нанести поражение злу мздоимства. “Коррупция ради демократии”, несравненная по цинизму система, не изжита и не погашена. Она и не думает ретироваться, не робеет и перед “решительно” настроенной против неё президентской властью. Возможно, мы даже не вполне сознаём, как далеко зашло дело. В каком-то смысле страна уже необратимо втянулась в пропащий и закоренелый уклад, сложившийся вопреки рыночным, правовым и цивилизованным канонам. Его впору уже прозвать посткоррупционным обществом.

Маммона на постаменте

Мы уже водворились, и верхи, и низы, в сумеречную антисистему совершенно особого толка, типологию которой социологической науке ещё предстоит распознать. Некоторыми частными соображениями о природе посткоррупционного общества поделюсь ниже. “...Неуважение к государству и даже просто непонимание его смысла”. В этом видел застарелый порок русских либералов-западников философ из послереволюционной эмиграции Г. П. Федотов: “Государство ведь тоже не целиком от дьявола. Оно имеет своё призвание. Его идеальное имя — справедливость. Его закон есть несовершенное выражение нравственного императива”. Непримируемый недруг сталинского “тоталитаризма” Г. Федотов с годами, однако же, писал с чужого американского берега: “Мы здесь со страстным любопытством следим за эволюцией советского человека... Приветствуем официальное воскрешение человечности”. Мог ли философ, великоросс по духу, вообразить, что предсказываемый им антикоммунистический переворот в СССР (август 1991 г.) покончит со всем этим, неприкосновенным, сразу? И справедливостью — призыванием государства, и нравственным императивом, и даже Маммону водрузит фигурально на пустой постамент, где прежде возвышались Рабочий и Колхозница скульптора Мухиной. Поруганию подверглись, если разобраться, не только советский социализм, но и цивилизационные устои общества.

В СССР не было классового и сословного разделения, а деятели и воители партийной номенклатуры, по догадке Г. Федотова, имели больше сходства с русским служивым сословием при Петре I. Советское общество, по его представлению, типом социального строения напоминало XVII век России. И вовсе миру явилось не архаическое, а пронизанное чувством новизны, энергией модернизации (“Время, вперед!”) революционное общество. Происходило захватывавшее дух “замещение пропасти между классами, между обществом и государством”. Г. Федотов заодно с ведущими интеллектуалами Запада отдаёт справедливость чертам первородства нового социального строя. Впрочем, философ оставался непреклонным противником большевиков, которые, по его словам, силой оружия собрали Империю и “террором, как железным обручем”, держат её...

К 80-м годам, вопреки неумным и злопыхательским толкам “шестидесятников”, в Советском Союзе сложилось, по Зиновьеву, Сверхобщество. И оно оказалось на опасном историческом перепутье. После государственной катастрофы августа 91-го года социальная структура общества подверглась губительному “опрошению”. Якобы “нечаянный”, но сокрушительный исход превращений ельцинизма — посткоррупционное общество. Его сокровенное — подмена государственного смысла существования хищнической “разделкой” (словечко Г. Федотова) всего материального и инновационного наследия высокоразвитого общества — СССР. Россия отлепилась от цивилизационного потока. “Ордынец” подменил идею развития коррупцией, инвестиции в будущее — “ясаком”. Общество будто колуном надвое разрубили: одни, все скопом, приписаны к коррупционному “приходу” как данники, а другие, несть им числа, сборщики “ясака”, наполняющие свои оффшорные сундуки. Олигар-

хи — особняком, “ордынцы” и числом и влиянием уже преобладают. Это тяжёлая аномалия общества, своего рода клин, в который упёрся на ходу маховик государства, производительных и духовных сил России.

“Интердевочка” — воительница за “права человека”

Бесподобная “терпимость” нашего общества к греху и непотребству граничит с каким-то особенным нравственным помешательством внучатых потомков “пошехонцев”. Проституция — новая массовая профессия! Два миллиона женщин торгуют телом в России. Ещё невесть сколько блудниц и “жертв сексуального рабства” промышляют на панели за границей. И беда здесь не в грехопадении заблудших, а, что ещё горше, самого общества. При оболганной Советской власти проституция как социальное зло была почти изжита не “репрессиями”, высылкой на сотый километр, а попросту вытеснена нравственно самым ходом вещей, культурной и интеллектуальной революцией. И это цивилизационное достижение Советской власти обеспечило защиту нравственного здоровья, достоинства личности, генофонда нации, как теперь принято, сокрушаясь, рассуждать. Увы, фарисейская борьба якобы за естественные, неотъемлемые “права человека” сделала своё чёрное дело. Женщина сызнава стала товаром, а плоть её — частной собственностью. Рынок проституции и наркотиков после буржуазного переворота в августе 1991 года был насаждён почти мгновенно. Преграды и заклатья морали оказались попросту сметены. И наши благочестивые отцы семейств, не говоря уже о либералах во власти, не роптали, а по умолчанию поддерживали метаморфозу нравов, освобождение плоти, а не личности.

Вспомним, как завлекательно и сентиментально приоткрывали завесу “скромного”. Двусмысленную слезливую агитку за проституцию — фильм “Интердевочка” снял, подумать только, режиссёр-фронтовик. Скабрезную киноподелку до сих пор прокатывают раз за разом по телеканалам, ровно “Чапаева”. Непотребная передача “Про ЭТО” под сурдинку “сексуального просвещения” на ведущем телеканале НТВ была не наваждением, а приобщением к греху и рекрутированием марфуш в ряды “первой древнейшей”. Это ли не государственное покровительство растлению молодого поколения? “Алармизм”? А 20 тысяч несовершеннолетних, подвергающихся сексуальному насилию ежегодно? А тридцать тысяч молодых душ, погибающих, что ни год, от наркотиков, и ещё 80 тысяч посаженных на иглу наркомафией?

И вот уже мы хотим как бы стереть из памяти, что в новоявленных турецких сералях, а это самые настоящие зинданы, томятся тысячи русских “наташ”, возмечтавших в своих захолустьях, провинциальных городках, где нет ни работы, ни прокорма, о райской жизни на сказочно богатом Востоке. Исконная, прости Господи, бабья мечтательность влечёт их прямо в силки торговцев живым товаром, которые орудуют под вывеской туристических и модельных агентств. Можно ли было себе вообразить в советское время, что возродится стамбульский невольничий рынок, где торгуют славянками? После Рымникского похода Александра Суворова турки не смели уводить в полон православных. Всё вернулось на круги своя?

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть: всё это вместе — один сквозной оргпроект вытравливания и замещения нежитью цивилизационной матрицы великороссов. Никакие это не происки “бесов”, а вполне рациональное, с холодным умом и умыслом, разрушение всей некогда целостной системы самосохранения нации и государства.

Подоплёка “эмансипации” нравов, попустительства пороку известна. За наркоманией и проституцией стоят огромные деньги и алчные барыши. И весь этот нечестивый “профит” пронизан насквозь мздоимством. Слепо око закона, а законотворцы и витии-краснобаи словно потеряли дар речи. В чертогах власти многие прямо или окольно, как говорили в Одессе, “в доле”.

Коррупция всеядна.

Торговал ли Наполеон гусьями?

В самом деле, учёное слово “имморализм”, а попросту бесстыдство коррумпированной власти, возведено у нас в обычай. Тот самый, что наряду с законом в основе любого устроенного общества. Второе прозвище корруп-

ции – проституирование власти, то есть продажность. Грехопадению, в которое коррупция повергает институты власти, нет, по всему видно, предела. И даже понятие смертного греха, которое российское общество пронесло негнеленным через века – и когда икона Богоматери, и когда портреты классиков марксизма пребывали в красном углу – на наших глазах улечувачивается из обихода. Как если бы вовсе “упразднили” смертный грех...

Помнится, у Щедрина помпадур-помещик донимает француз-губернёр аоскорбительными шуточками: “Правда ли (император) Наполеон торговал в Лондоне гусями, и правда ли то, что он... содержал в Нью-Йорке дом терпимости?” Барин-то балагурил, смеха ради подначивал “мусье”. Но какие уж тут шулки, ведь никакая не тайна за семью печатями, что в сегодняшней России во властной вертикали иные субъекты со звёздами на погонах “крышуют” элитные бордели в Москве. И даже открыто на слуху жёсткое соперничество коррупционных силовых “крыш” за контроль над оборотом ночных клубов, торговлей “живым товаром”.

У коррупции есть и потаённое, кажущееся неправдоподобным каверзное проявление. Так, в общественном мнении давно зрели догадки, ходила молва в СМИ и интернете, что есть некая подоплёка, почему в Охотном ряду сочиняют “законы второго сорта”. Те самые, что, на поверку, потворствуют безнаказанности проституции как доходного промысла, “терпимости” к содомии и прочим “толерантным” вывертам. А теперь это невзначай выплыло наружу, на всеобщий позор. Явно коррупционная интрига прослеживается в конфузном “недоразумении”, когда в новой, ужесточённой редакции закона против педофилии непостижимым образом “вкрались” поправки к тексту законопроекта, смягчающие наказание. В самой захудалой демократии такая попытка послабления педофилам повлекла бы неотвратимое и гласное парламентское расследование, которого, уверен, не последует.

Почему в Белоруссии коррупция – сирота?

В самом деле, почему в Белоруссии нет “институциональной коррупции”? Не потому, что Лукашенко строг. Сам не “тащит” и другим не велит, а потачки никому, хоть в низах, хоть в верхах. Взятничество в Белоруссии есть, как не быть, но нету в природе белорусского рыночного хозяйства коррупционного присвоения крупной промышленной и аграрной собственности. В промышленности – госкапитализм, самоокупаемость, прозрачность финансового оборота. Инвестирование накоплений в преобразование хозяйства, а не в покупку океанских яхт. И нет лазеек, как в российских сомнительных “госкорпорациях”, подобраться к прибыли, выводить активы и зарабатывать “на убытках”. А кто искусился и посягнул на казённое добро, а среди тех, кого чёрт попутал, и самые известные, с заслугами, белорусские руководители промышленности, не оказалось никого, кто не ответил бы по закону. Вот они и каются теперь в остроге. Общественное мнение незадавшимися Ходорковским нисколько не соболезнует.

Белорусское село здорово, конкурентоспособно, кормит страну и вывозит излишки за рубеж. Потому что хозяйство белорусов, по сути, общинное, ведётся с крестьянской сметкой, без кабалы ростовщиков и перекупщиков. Не так богата казна Белоруссии, но государственная поддержка селу под стать той, что в Европейском Союестве. На Смоленщине мне доводилось побывать в разорённых дотла сёлах. А за бывшей колхозной межой, теперь пограничным кордоном – село белорусское. И там тучные нивы, лад в миру, достаток в сёлах и уверенность в завтрашнем дне.

В Белоруссии связь времён не прерывалась, не утрачен дух народа и его нравственное, православное ядро не повреждено чужебесием, воцарением хищничества и сладким ядом “западнизма”. Лишь паши шереметы и всякие винченцы вечерки – лазутчики и платные “агенты влияния” Запада – любимцы российских либеральных масс-медиа, ломают дешёвую комедию “гражданского сопротивления режиму последнего диктатора Европы”. Беснования их понятны. Ведь Белоруссия, как автор этих строк высказался в очерке “Атлантида на Немане” (“Советская Россия”, № 115–116, 2005), наша русская Яньань – непокорённая территория общего Отечества – Великой Руси. Да, режим Александра Лукашенко авторитарный и жёсткий. Однако его наверх прославили бы “отцом белорусской демократии”, позволь он метя-

щим в олигархии “исчадиям” аппарата – чиновницей Вандее за его спиной забраться в государственные закрома. И спроворить пару-другую “залоговых аукционеров”. А им – кукиш! Вот и плач неутешный шушкевичей по поруганной “демократии” в манишку пана Качиньского и еврокомиссаров. Если откровенно, без недомолвок, авторитаризм белорусского президента порой смущает и вызывает стыдливые угрызания даже в рядах российских левых. Что на это сказать? “Сильное государство дешевле сильного гражданского общества в момент экономического коллапса и перехода страны к мобилизационной экономике”. Это трезвый, реалистический ответ на вышеназванные угрызания социолога Юрия Шевцова – автора исследования “Объединённая нация: феномен Белоруссии”. (Изд-во “Европа”, 2005 г.) Шевцов вовсе не апологет Лукашенко. Довольно и того, что предисловие к его книге написал либеральный “имперец” и прокремлёвский политехнолог Глеб Павловский. Редкий случай, когда одесский хитрован не лукавил: “Белорусский феномен неведом в России, где обсуждают не политику, а фигуры. Не белорусское чудо, а его нереспектабельного отца – Александра Лукашенко”. Тем более нам, великороссам, следует пытливей познать непростую природу экономического чуда на Немане.

Всякий имеющий живой опыт корпоративного управления согласится, что выбор Белоруссии драматичен и уникален. Постсоветское пространство не знало модели рыночных преобразований, делающих ставку на расширенное воспроизводство в крупном машиностроении и высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. Экономический феномен Белоруссии проявился и в том, что республике выпала непростая задача создать на базе своих крупных предприятий и их поставщиков вне Белоруссии своего рода транснациональные компании. Лукашенко, проявив невероятную гибкость и управленческое искусство, действительно воссоздал кооперацию с тысячами частных и акционерных предприятий-смежников в России. Вопреки глухому противодействию российской “сырьевой” олигархии и её ставленников в московских верхах.

Действуя подчас через голову Кремля, на одном лишь взаимном экономическом интересе, белорусский президент связал прочными узами российскую и белорусскую экономики. БелАЗ, МАЗ, МТЗ имеют своё политическое лобби в российских губерниях, потому что обеспечивают сотни тысяч рабочих мест в странах-соседах. Рыночная кооперация экономик “снизу” преодолевает все бюрократические преграды.

Сильное государство, как ни кляни “авторитаризм” Лукашенко, позволило именно Белоруссии создать конкурентоспособную экономику. Уже пройдена черта, когда белорусский экспорт в страны ЕС превзошёл по стоимости поставки в Россию. Мировой кризис застал динамичную экономику соседей на восходящем 10-процентном росте ВВП.

Авторитарная модернизация – бесспорно эффективный путь, подтверждённый мировым опытом – Китай, Южная Корея, Малайзия... Напротив, старые “грабли”, которые подсовывают Кремлю идеологические мошенники – гайдары и юргенсы, – либерализация плюс модернизация – своего рода “бинарная бомба” под экономику и общество. А где “либерализация”, там алкаемая “пятой колонной” реставрация режима 90-х годов, где так же вольготно коррупции, и “ордынец” со своим “ясаком” изнурит экономику, по миру пустит и работника, и мелкого предпринимателя. Итог “либерализации” уже известен по 90-м – коллапс экономики, долговая кабала Западу, разграбление ценных государственных активов за “недоимки” и мерзость колониальной демократии в придачу...

Белорусы выказали, в отличие от нас, обретающихся в “продвинутой” рыночной России, духовную стойкость и здравый смысл. Когда приглядываешься вблизи к образу жизни, укладу белорусов, то приходишь на ум, что это развитый, с отчётливым европейским, а не “евразийским” влиянием постсоветский уклад. Это образ бытия крестьянского мира, чуждого и враждебного мздоимству, переместившегося из Полесья в городскую индустриальную цивилизацию. Родня наша, но уже другой закваски. Беларусь пошла по присутствующему крестьянской хозяйственной культуре пути вызволения из пришедшего извне злосчастия – распада большой союзной экономики. “Затянуть пояс, сохранить орудия и семена, помогать друг другу чем можно и упорно ждать, когда погода изменится...”

Белорусские товары конкурентны на рынках Запада, России, Востока. А почему? Потому что нет всеобщего коррупционного побора, который резко удорожает любой товар или услугу на рынке. Нет у наших соседей и алчных тарифов монополистов – горстки акционеров, с которыми повязано корыстью чиновничество.

... Вот и вся притча, почему в Белой Руси коррупция – сирота, а у нас, в России – владычица!

* * *

... Посткоррупционное общество!.. Не означает ли авторская постановка проблемы, что россиянский олигархический капитализм уже перевалил за черту, когда ещё был возможен выход к “нормальному” и “добропорядочно-му” капитализму, где правит закон?

И где между государством и коррупцией – обоюдоострый меч, который, как в “Тысяче и одной ночи”, запрещает их скверное соитие.

Где наш-то обоюдоострый меч? Его забросили, как эмансипированные девицы свои чепцы – за мельницу, в омут коррупции! Вопрос ребром: кто кого – либо общество коррупцию, либо?.. Нелегко решиться предугадать и ответить односложно на этот тягостный для нас, великороссов, вопрос, обращённый не только к гражданской совести, но и к чувству самосохранения общества. Наш долг, что называется, всем миром поразмыслить и найти искомые ответы. Не поддаваясь ни легковерию, ни холопской благонамеренности, ни унынию. А уповать, что перемелется – мука будет, на эволюцию коррупционной подноготной пресловутого “петростейта”, отмирание “ясака”, как некогда отпали оброк и барщина, означало бы отдать судьбу страны в заклад временщикам и компрадорам. В плену всеобщего соглашательства и гражданского малодушия, оставаясь в юдоли посткоррупционного общества, выбраться из тьмы на просторы исторического бытия – заказано. На чудесное исцеление общества и власти уповать глупо. И всё больше склоняюсь к убеждению, что общественный уклад, в котором верховодит “ордынец”, не жилец, но, оставаясь у него в полоне, эту злую “повилику” нам, согражданам, не выкорчевать и не одолеть.

Так что же, преклонить перед “ордынцем” колени? Смириться со всемогуществом коррупции и влачить её ярмо? Вот уж нет, и зря Герман Греф нас морочит, у зла этого не метафизическая, а производная от качества социального строя основа. И, стало быть, не так всё безнадежно?

Экономическое, а следовательно, и политическое господство коррупции опирается на захваченную “ордынцем” львиную долю ВВП. Сила коррупции в контроле над казной и валютными закромами Неглинной и Ильинки. “Почта” и “телеграф”, то бишь телекоммуникации, тоже под ним, “ордынцем”. Вот где, повторю, “кощеева игла”, неприступные редуты коррупции. И рубеж, где по одну сторону интересы выживания российской государственности, а по другую безумная корысть временщиков ордена Мзды. Не приходится обольщаться: в рамках существующего в России строя зло коррупции неодолимо.